Сяо Цянь, зевнув наполовину, понял, что не сможет больше сопровождать императора, который засиживался допоздна, занимаясь делами всех и вся. Он приказал подать несколько тарелок свежих горячих закусок с чаем для императора.

Затем он подошел к нему и, с наглой улыбкой, ущипнул императора за нежную щеку:

— Если будешь так засиживаться, кожа перестанет быть такой мягкой.

Фан Минцзюэ отмахнулся от его руки.

Сяо Цянь подрезал фитиль свечи для императора и, словно заботливая нянька, еще раз напомнил ему пару вещей, прежде чем открыть дверь императорского кабинета и уйти.

Повсюду горели яркие огни, высокие свечи освещали помещение.

Желтые шелковые занавески свисали вниз, аромат чернил смешивался с поднимающимся дымом, создавая холодный и глубокий запах, наполнявший рукава одежды.

Окно было приоткрыто, и легкий ночной ветерок проникал внутрь. Из-за занавески вышел человек.

— Ваше Величество, — человек преклонил колени перед императорским столом, — человека уже отправили в поместье за городом и поставили немых слуг для охраны.

Рука с кистью замерла на мгновение. Лицо Фан Минцзюэ, скрытое в тени свечей, казалось мрачным и угрюмым:

— А что с усадьбой Ян?

Человек ответил:

— У Ян Цзиня много частных солдат, это явно не просто охрана дома. Сегодня мы смогли проследить только за одним местом, где находится около двух тысяч солдат.

Фан Минцзюэ оставался спокойным. Его рука, держащая кисть, была устойчива, но голос стал ледяным:

— Их амбиции не угасают, они становятся все более дерзкими.

Он закрыл доклад и слегка повернул запястье. Его лицо оставалось бесстрастным:

— Следите за ними, действуйте осторожно. Если что-то произойдет, не обращайте внимания.

— Да, Ваше Величество.

Человек поклонился, готовясь уйти, но его шаги слегка замедлились. Он колебался:

— Ваше Величество, сегодняшнее покушение… Вам не следовало рисковать собой…

— Хватит.

Раздался холодный и спокойный голос.

Человек замолчал, опустив голову.

— Это…

Фан Минцзюэ сжал кисть в руке, и капля красных чернил упала на белый лист доклада, словно кровавое пятно:

— Это больше не обсуждается.

Человек был озадачен, но в его глазах Фан Минцзюэ не был мягким и беззащитным правителем. Предыдущие слова уже вызвали недовольство, и он не мог сказать больше, чтобы не разгневать императора. Он поспешно удалился.

Огромный императорский кабинет снова погрузился в тишину.

Человек, уходя, забыл закрыть окно, и холодный ночной ветер проник внутрь, заставляя свечи мерцать, а сердце — замерзать.

Фан Минцзюэ долго смотрел на красное пятно чернил на докладе, прежде чем пошевелил окоченевшими пальцами и положил кисть.

Он бросил доклад в сторону, чуть не опрокинув тарелку с еще горячими закусками.

Он машинально посмотрел на низкий диван рядом, словно загипнотизированный, и на мгновение задумался, прежде чем в отчаянии махнуть рукой и вернуться в Зал Сунъян.

В Зале Сунъян генерал Сяо Цянь, не испытывая ни малейшей сонливости, с энтузиазмом лепил фигурки из глины.

Фан Минцзюэ едва не получил удар по лицу, когда вошел, и отшатнулся на несколько шагов:

— Что ты делаешь?

Сяо Цянь приказал слугам накрыть готовые фигурки и вынести их на улицу для просушки, одновременно моя руки:

— Просто развлекаюсь. Возьми что-нибудь перекусить. Ты почти ничего не ел сегодня.

Фан Минцзюэ взглянул на стол. Там была тарелка его любимых пирожных с османтусом и миска очищенных грецких орехов. Он никогда не говорил об этом, но Сяо Цянь как-то догадался.

Если бы спросить самого Сяо Цянь, он бы, вероятно, и сам не смог объяснить.

В свои двадцать восемь лет он так и не нашел себе жену. Не говоря уже о том, что он большую часть времени проводил на границе, где жизнь и смерть на поле боя были непредсказуемы, и ни один уважающий себя чиновник не хотел отдавать свою дочь замуж за такого человека. Даже те, кто стремился к власти и богатству, надеясь на поддержку генерала, были оттолкнуты его непробиваемой прямолинейностью.

Даже Чжу Кунь, когда его намерения еще не были столь жестокими, хотел выдать свою сестру, принцессу, замуж за Сяо Цяня, но тот встретил принцессу и беззаботно сказал: «Сестра, мне и одному хорошо, вам не нужно становиться вдовой в моем доме». Что привело принцессу в ярость.

Таким образом, можно сказать, что у генерала Сяо Цяня совершенно отсутствовал

эмоциональный интеллект.

Однако именно поэтому его забота казалась такой ценной. И тем более неотразимой.

— О чем задумался?

Сяо Цянь помахал рукой перед глазами Фан Минцзюэ, а затем, увидев, что тот поднял взгляд, поднял его и повел к кровати, помогая раздеться.

Линь Лин и Сяо Дэцзы погасили свет и, поняв намек, вышли наружу.

С тех пор как Сяо Цянь переехал в Зал Сунъян, он взял на себя заботу о Фан Минцзюэ, который был ранен, и теперь чувствовал себя так, будто усыновил большого сына.

— Руки такие холодные.

Сяо Цянь снял с него верхнюю одежду и согрел его запястья:

— Завтра скажи Линь Лин, чтобы достала ручную грелку. Нельзя, чтобы мой маленький сокровище замерз.

Маленький сокровище Фан Минцзюэ холодно посмотрел на него, не желая ничего говорить.

После возвращения во дворец они оба уже помылись, и теперь, сняв одежду, легли в постель.

Сяо Цянь поправил одеяло у шеи Фан Минцзюэ и тихо сказал:

— Я хочу тебе кое-что сказать.

Фан Минцзюэ открыл глаза. Его темные зрачки в тишине ночи казались слегка влажными.

Сяо Цянь почувствовал, как сердце его дрогнуло. Он взял руку Фан Минцзюэ, лежащую поверх одеяла, и нежно сжал мягкие пальцы. Его голос в тишине ночи звучал мягко:

— Я подозреваю, что с городской стражей что-то не так.

Сяо Цянь говорил прямо:

— Сейчас, используя покушение как предлог, можно заменить одного командира и проникнуть в эту крепость. Это будет идеально.

Фан Минцзюэ посмотрел на него:

— У тебя есть кандидат?

Сяо Цянь не стал скрывать:

— Есть один. Войти легко, но удержаться сложно. Я не знаком с другими и не уверен в них. Но этот человек, возможно, справится.

Фан Минцзюэ закрыл глаза. Несмотря на то что он находился в тепле, его руки и ноги становились все холоднее.

Он тихо сказал:

— Хорошо.

На следующее утро на аудиенции.

В Зале Линсяо чиновники, еще не совсем проснувшись, были потрясены словами Фан Минцзюэ.

— Вчера, когда императрица возвращалась из родного дома, на нее было совершено покушение. Городская стража сговорилась с убийцами и не прибыла вовремя. Я считаю, что командир городской стражи не справился со своими обязанностями и заслуживает смертной казни. Что вы думаете, мои дорогие министры?

Голос Фан Минцзюэ был холоден и тих, но в нем чувствовалась властность.

Однако содержание его слов не было угрожающим, а скорее казалось наивным и трусливым.

Чиновники, услышав это, сначала усмехнулись, но потом даже улыбка сошла с их лиц. Они уже привыкли к глупости молодого императора, который всегда пытался что-то сделать, но никогда не добивался успеха.

Один из генералов вышел вперед. Он был высоким и крепким, с типичным лицом солдафона. Он поклонился и громко сказал:

— Ваше Величество, это совершенно неприемлемо! Генерал Ян Цзинь уехал из столицы сегодня утром, и вы даже не проводили его. А теперь, когда он уехал, вы хотите разобраться с городской стражей. Это не способ успокоить народ и не поступок мудрого правителя!

Это было почти прямое обвинение в том, что император — тиран.

Лицо Фан Минцзюэ побелело, и он хотел что-то сказать, но его перебили несколько других военных.

— Ваше Величество, это подрывает доверие народа!

— Ваше Величество, где доказательства? Городская стража защищает столицу, ее нельзя так оскорблять!

— Ваше Величество, не говорите глупостей!

Группа военных, словно зараженная бешенством, начала кричать и обвинять, словно они были героями, защищающими страну от глупого императора.

Неизвестно, почему они так старались, ведь Ян Цзинь даже не был здесь. Генерал Сяо Цянь не собирался раздавать им награды за их игру.

Великий наставник Чан, стоявший среди гражданских чиновников, казалось, был погружен в свои мысли. Его маленькие глаза были почти закрыты, словно он был на грани сна. Очевидно, он уже вышел за пределы такого низкого уровня споров, и это его не интересовало.

Фан Минцзюэ, сдерживая гнев, медленно проглотил свои слова и сквозь зубы сказал:

— Генерал Чжоу прав, человека… можно не казнить, но его нужно заменить. Я считаю, что охранник Юй Ицзе, который служит при дворе, очень предан и подходит для этой должности…

Гражданские чиновники начали поднимать головы, а Великий наставник Чан приоткрыл глаза.

Военные замолчали.

На мгновение в зале воцарилась странная тишина.

Причина была в Юй Ицзе.

Юй Ицзе был всего лишь охранником четвертого ранга, ничем не выделяющимся. Но у него была тетя, которая была невероятно красива, и в возрасте шестнадцати лет ее выдали замуж за Великого наставника Чана.

http://bllate.org/book/16207/1454681